

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1323–1365
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 4 (2022): 1323–65

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-6>

Ссылка в Караганду в 1950–1953 гг.: случай Александра Есенина-Вольпина

Андрей Александрович Гросс

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания,
gross@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5296-6670>

Andrei A. Gross

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
Oxford University,
Oxford, Great Britain,
gross@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5296-6670>

Аннотация. В статье на примере определенного этапа жизни диссидента Александра Есенина-Вольпина исследуется тема ссылки в Караганду в позднесталинский период истории СССР. Рассматривается тема ссылки в азиатскую часть СССР людей, осужденных ранее по статье 58 УК РСФСР, а затем признанных «социально-опасными элементами», которая на фоне изучения множества форм принудительных миграций остается малоисследованной, что связано с индивидуальным характером подобных репрессий, проводимых Особым Совещанием при НКВД-МГБ с 1920-х по 1953 гг. Автор анализирует ссылку А. Есенина-Вольпина в Караганду в 1950–1953 гг., которую рассматривает как форму государственного наказания. В статье представлено описание повседневной жизни ссылного в отдаленном регионе страны, с присущими ему социокультурными и экономическими особенностями. Автор исходит из теоретических оснований реляционной социологии и отвечает на вопросы, поставленные перед историографией «пространственным поворотом». К кругу проблем, которые поднимаются в статье, относятся межрегиональные связи в позднесталинский период, социальные связи представителей интеллигенции, сосланных в Караганду, социально-экономическая гетерогенность регионов СССР. Статья основана на впервые вводимых в научный оборот письмах и телеграммах советского диссидента А. Есенина-Вольпина и его родственников, отложившихся в архиве Международного Мемориала* в Москве. Автор приходит к выводам

© Гросс А.А., 2022

© Gross A., 2022

* Организация внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, ликвидирована решением ВС РФ.

об относительно благоприятных экономических условиях жизни в Караганде по сравнению с другими регионами СССР, широких возможностях для преодоления географических ограничений ссылки, обилии социальных связей сосланных в Караганду московских интеллигентов и парадоксальных условиях ссылки, позволявших А. Есенину-Вольпину высказывать мысли, которые в Москве расценивались бы как «контрреволюционная агитация».

Ключевые слова: диссидентство, инакомыслие, ссылка, ссылка в Караганду, сталинизм, советские репрессии, советские диссиденты, социальные связи

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-39-90021).

Выражаю бесконечную благодарность работнику архива Международного Мемориала Алексею Макарову за помощь в работе с материалами.

Для цитирования: Гросс А.А. Ссылка в Караганду в 1950–1953 гг.: случай Александра Есенина-Вольпина // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1323–1365. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-6>

Exile to Karaganda in 1950–1953: The case of Alexander Esenin-Vol'pin

Abstract. The article explores the subject of exile to Karaganda during the late Stalinist period of the USSR history using the example of the dissident Alexander Esenin-Vol'pin. It considers the general subject of exile in the Asian part of the USSR of people convicted previously under article 58 of the Criminal Code of the RSFSR and then recognized as “socially dangerous elements.” Even considering the broad scope of the study of many forms of forced migration in the USSR, this question still remains poorly researched. This is due to the individual character of such repression, carried out by the Special Council of the NKVD-MGB from the 1920s to 1953. The author analyses the exile of Alexander Esenin-Vol'pin to Karaganda in 1950–53, which he regards as a form of punishment by the state. The article provides a description of the everyday life of an exile in a remote region of the USSR with its socio-cultural and economic peculiarities. The author proceeds from the theoretical foundations of relational sociology and answers the questions that were posed to historiography by the “spatial turn.” The problems raised in the article include interregional relations in the late period of Stalinism, social ties of intellectuals exiled to Karaganda, and socio-economic heterogeneity of the USSR regions. The article is based on numerous letters and telegrams of the Soviet dissident Alexander Esenin-Vol'pin and his relatives deposited in the archives of the International Memorial* in Moscow, which are introduced into scientific circulation for the first time. The author draws conclusions about relatively favorable economic conditions in Karaganda if compared to other regions of the USSR, broad opportunities to overcome geographical limitations of exile, abundance of social connections of exiled Moscow intellectuals in Karaganda, and paradoxical conditions of exile, which allowed Esenin-Vol'pin to express the thoughts that would be regarded as “counter-revolutionary propaganda” in Moscow.

Keywords: dissidence, dissent, exile, exile to Karaganda, Stalinism, Soviet repression, Soviet dissidents, social ties

Acknowledgements. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-39-90021.

---

* Included by the Ministry of Justice in the Register of non-profit organisations fulfilling the function of a foreign agent, liquidated by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation.

I would like to express my endless gratitude to Alexei Makarov, an employee of the archives of the International Memorial, for his help in working with the materials.

For citation: Gross, A.A. “Exile to Karaganda in 1950–1953: The case of Alexander Esenin-Vol'pin.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 4 (2022): 1323–65, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-6>

Введение

Историография государственных репрессий в Советском Союзе 1920–1953 гг. к настоящему времени насчитывает множество научных работ. Значительная часть из них посвящена теме ссылок и депортаций определенных общностей людей (этнических, социальных, конфессиональных) в лагеря и спецпоселения, проводившихся в форме «операций» в определенные годы («кулацкая ссылка» 1930–1933 гг., депортации народов 1941 и 1943–1944 гг., депортация иеговистов 1951 г. и т.д.)¹. В своей новаторской работе о принудительных миграциях в СССР П.М. Полян предложил обстоятельную классификацию репрессий, связанных с насильственным перемещением. Кроме вышеперечисленных критериев исследователь выделил политический, по которому, среди прочих, в разные регионы Советского Союза ссылали людей, признанных «социально-опасными элементами»². По специальному постановлению ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. исключительным правом ссылки и высылки людей на основании данного критерия обладало Особое Совещание при НКВД (затем МГБ) СССР³. Согласно докладной записке министра внутренних дел С.Н. Круглова и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко на имя Н.С. Хрущева, с 1934 по 1953 г. Особое Совещание приговорило к ссылке и высылке в пределах СССР 67 539 человек⁴.

В работах Павла Поляна и других исследователей, так или иначе посвященных принудительным миграциям (как правило в связи с историей ГУЛАГа), тема ссылки конца 1940 – начала 1950 гг. остается неисследованной⁵.

¹ Библиография данной темы чрезвычайно обширна. См. исчерпывающий список литературы в статье: *Старостин С.И.* Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // *Historia Provinciae – журнал региональной истории*, 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317. <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

² *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва: О.Г.И. – Мемориал, 2001. С. 46–48.

³ Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 5 ноября 1934 года № 22 «Об Особом Совещании при НКВД СССР». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦИК_и_СНК_СССР_от_5.11.1934_№_22 (дата обращения: 13.12.2020).

⁴ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. / составители А.Н. Артизов и др. Москва: МФД, 2000. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. С. 72–74.

⁵ Мы не рассматриваем биографические работы, в которых период ссылки изучаемой личности не подвергается детальному рассмотрению. Однако в рамках данной статьи

С уверенностью можно сказать, что это связано с индивидуальным и окказиональным характером подобных репрессий. Особое Совещание произвольно назначало людей «социально-опасными элементами» и ссылало их в азиатскую часть СССР на основании статей 7 и 35 УК РСФСР⁶. В отличие от представителей депортированных классов и этносов, многих политических ссыльных эпохи позднего сталинизма объединяло лишь то, что первоначально они были осуждены по статье 58 УК РСФСР. Так, поэт Н.М. Коржавин в 1948 г. был сослан на три года в Новосибирскую область после ареста и обвинения в контрреволюционной агитации (ст. 58-10)⁷; в 1949 г. в Туруханский край на пожизненное поселение была сослана А.С. Эфрон как ранее осужденная по 58 статье⁸.

Изучение жизни ссыльных периода позднего сталинизма не только позволяет полнее раскрыть картину государственных репрессий, не укладывающуюся в редуционистский нарратив о страданиях интеллигенции в тюрьмах и лагерях системы ГУЛАГа. Исследование ссылки дает возможность отдалить исследовательский фокус от традиционных объектов анализа – Москвы и Ленинграда – и тем самым расширить научные представления о различных аспектах истории СССР. Кроме того, изучение ссылки в Караганду позволяет решить проблемы, возникшие в историографии в результате

следует отметить авторитетную работу Стивена А. Барнеса о ГУЛАГе в Карагандинской области (*Barnes S.A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011*). Несмотря на то, что автор исследовал лишь этнические и классовые депортации в 1930-е гг., его работа является основополагающей для изучения мира ссыльных в Караганде.

⁶ Ссылным, как правило, объединяли две статьи в одну статью «7-35». Статья 7 имела общий характер: согласно ей, к людям, «совершившим общественно-опасные действия», применялись «меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера». Статья 35 определяла одну из таких мер: «удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением или запрещением проживать в других местностях или без этих ограничений <...> в отношении тех осужденных, оставление которых в данной местности признается судом общественно-опасным» (Уголовный кодекс РСФСР. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 5, 21). Разумеется, на деле решения о ссылке «социально-опасных элементов» принимались в Особом Совещании. Как отмечал представитель ЦК КПСС в МГБ С.Д. Игнатьев в 1951 г., «значительная часть дел, расследуемых органами государственной безопасности, в нарушение основного законодательства о подсудности направлялась органами МГБ не в судебные органы, а в Особое Совещание при МГБ СССР (Служебная записка С.Д. Игнатьева И.В. Сталину Об Особом совещании при МГБ СССР с приложением проекта Указа ПВС СССР и Положения об Особом совещании. 28 декабря 1951 г. // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 56–62).

⁷ *Коржавин Н.М.* В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания: в 2 кн. Москва: Захаров, 2007. Кн. 1. С. 853–854.

⁸ *Эфрон А.С.* О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. Москва: Советский писатель, 1989. С. 20–21.

«пространственного поворота»⁹, в том числе межгородские и межреспубликанские связи, социально-экономическую и административно-юридическую гетерогенность регионов СССР.

Объектом данного исследования является один из периодов жизни Александра Есенина-Вольпина, охватывающий 1950–1953 гг. Есенин-Вольпин (1924–2018) – внебрачный сын Сергея Есенина, поэт и математик, в 1960-е гг. ставший известным диссидентом и основоположником советского правозащитного движения. В результате ареста в июле 1949 г. Есенин-Вольпин попал в ссылку в Караганду, которая продлилась с 14 ноября 1950 г. по 25 апреля 1953 г. Предметом анализа статьи является ссылка в Караганду в 1950–1953 гг. как форма наказания и как совокупность особых социально-экономических, административно-юридических и материальных условий, в которых жили «инакомыслящие» в позднесталинской период. Для изучения указанных проблем в данной статье мы попытаемся ответить на ряд исследовательских вопросов: 1. С какими материальными и юридическими условиями жизни в Караганде столкнулся Есенин-Вольпин, как они менялись в течение периода ссылки? 2. Чем он занимался в повседневной жизни? 3. Какие социальные связи в Москве, Караганде и других городах Советского Союза он поддерживал или установил после ссылки? Как он преодолевал географические и материальные ограничения ссылки?

Исследуя пребывание Есенина-Вольпина в ссылке, мы исходим из теоретической предпосылки реляционной социологии, согласно которой жизнь акторов определяется социальными связями и взаимодействием с другими акторами¹⁰. Анализ социальных связей Есенина-Вольпина позволяет показать социально-экономическую сторону ссылки в Караганде и межрегиональные коммуникации в исследуемый период. Мы придерживаемся мнения Гермионы Ли, известного английского биографа, литературного критика и ученого, согласно которому биографические исследования являются способом анализа «большой» истории¹¹. Таким образом, предмет данного исследования – не жизнь Есенина-Вольпина в изучаемый период, а ссылка в Караганде в 1950–1953 гг. как область социальной истории периода позднего сталинизма.

Основными источниками данной статьи являются эго-документы Есенина-Вольпина и его родственников и знакомых, написанные в 1950–1953 гг. Это письма и телеграммы, которые отложились в коллекции Есенина-Вольпина в архиве Международного Мемориала в Москве. Эти источники вводятся в

---

⁹ Репина Л.П. История регионов, или “Территория историка” после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16.

¹⁰ Erikson E. Relationalism and social networks // The Palgrave handbook of relational sociology / edited by F. Dépelteau. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 271, 273.

¹¹ Lee H. Biography. A very short introduction. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. P. 13–14.

научный оборот впервые. Жизнь Есенина-Вольпина в ссылке также впервые подвергается специальному изучению¹².

Основная часть

1 июня 1949 г. Александр Есенин-Вольпин защитил кандидатскую диссертацию при НИИ математики при МГУ и с 1 июля по распределению приступил к работе в Черновицком университете в должности старшего преподавателя¹³. Через три недели его арестовали сотрудники черновицкого отделения МГБ и этапировали в Москву. После допроса 25 июля ему предъявили обвинение по статье 58-10 за «контрреволюционную агитацию» и чтение стихов «антисоветского характера» в Москве в 1946–1949 гг.¹⁴ 1 октября 1949 г. Особое Собрание МГБ приговорило его к принудительному лечению в психиатрической больнице при тюрьме № 2 в Ленинграде¹⁵. В мае 1950 г. Есенин-Вольпин успешно прошел судебно-психиатрическую экспертизу, однако 9 сентября 1950 г. Особое Собрание переквалифицировало обвинение на статью 7-35 и постановило выслать его на пять лет в Карагандинскую область как «социально-опасный элемент» (срок ссылки начинался со дня приговора)¹⁶.

---

¹² В самом содержательном исследовании биографии Есенина-Вольпина авторства Бенджамина Натанса жизни в ссылке уделен всего один абзац (См.: *Nathans B. The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the idea of rights under "Developed Socialism" // Slavic Review. 2007. Vol. 66, is. 4. P. 640*).

¹³ Автобиография, 12 июня 1953 г. // Архив Международного Мемориала (далее – АММ). Ф. 120. Оп. 1. Д. 17. Л. 2. Вопреки расхожему мнению, диссертация была посвящена топологии, а не математической логике (тема: «О весе бикомпактов»); Диплом кандидата наук, выдан 4 апреля 1950 г. решением Совета московского ордена Ленина государственного университета им. Ломоносова от 4 июля 1949 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 17. Л. 10; Справка о том, что А.С. Есенин-Вольпин с 1 июля по 1 августа 1949 г. работал в Черновицком университете, 22 ноября 1956 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

¹⁴ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по надзорному производству № 6199с/55 от 25.01.1956 // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.

¹⁵ *Есенин-Вольпин А.С.* Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / составители А.Ю. Даниэль и др. Москва: РГГУ, 1999. С. 9.

¹⁶ Выписка из протокола № 41 ОСО при МГБ от 9 сентября 1950 г. // АММ. Ф.120. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

А.С. Есенин-Вольпин в 1949 г.
Источник: АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 17

Есенину-Вольпину сообщили о решении Особого Совещания только 10 октября¹⁷. Через четыре дня его освободили из ленинградской психиатрической больницы¹⁸. Задержка с освобождением, по-видимому, была связана с организацией этапирования. 17 октября 1950 г. из Кировской пересыльной тюрьмы Есенин-Вольпин написал первое письмо матери, Н.Д. Вольпин, в котором нет информации об обстоятельствах этапирования. Скорее всего, математика везли в Караганду поездом: обычной практикой была отправка ссыльных в «пересылки» в «столыпинских» вагонах с конвоирами¹⁹. Есенину-Вольпину позволили иметь на этапе книги, которые Надежда Вольпин ранее пересылала ему в Ленинград. Однако этаплируемому не разрешили взять в дорогу имевшиеся у него 580 руб., поэтому в письме из Кирова он просил мать переслать ему деньги телеграфом²⁰. В Кировской пересыльной тюрьме Есенин-Вольпин пробыл чуть менее двух недель.

26 октября 1950 г. Есенин-Вольпин прибыл в Свердловскую пересыльную тюрьму. Оттуда он написал письмо родственникам, Е.Г. и А.С. Козиным, жившим в Свердловске. Есенин-Вольпин просил передать ему 20 руб. на

¹⁷ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 октября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

¹⁸ Заявление Александра Есенина-Вольпина в связи с делом 1949 года, без даты // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.

¹⁹ *Веселая З.А.* 7-35. Воспоминания о тюрьме и ссылке. Москва: Возвращение, 2006. Гл. «Первый этап» // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/193902> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁰ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 октября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

телеграмму матери²¹. Он по-прежнему нуждался в деньгах. В письме матери от 27 октября Есенин-Вольпин писал, что «очевидно, телеграмма запоздала и деньги вернулись тебе обратно»²². Скорее всего письмо с просьбой переслать деньги не дошло до Москвы, так как корреспонденция из пересыльных тюрем часто задерживалась²³. Действительно, письмо, отправленное из Свердловской тюрьмы родственникам, пришло только через четыре дня. В письме Надежде Вольпин от 30 октября 1950 г. Елена Козина рассказала о неудачной попытке передать посылку в пересыльную тюрьму:

Получила я письмо в седьмом часу вечера. В половине восьмого уже была в пересылке, хотела передать ему 100 руб. и посылку. Но уже было поздно и у меня не приняли, т.к. передачи принимают лишь по понедельникам и пятницам до 6 ч. Несмотря на все мои просьбы ничего не могла добиться. Говорят, приходите в пятницу, а сегодня как на зло понедельник, и я боюсь, что Алек может уже уехать. Не хотят говорить даже здесь ли он. «В пятницу узнаете» и все, двери закрываются²⁴.

Есенин-Вольпин пробыл в Свердловске около двух недель, что означает, что он, скорее всего, получил передачу от родственников. 14 ноября 1950 г. он прибыл в Караганду²⁵. Таким образом, этапирование в Караганду из Ленинграда заняло почти месяц, в течение которого ссыльный временно содержался в Кировской и Свердловской пересыльных тюрьмах.

Первые два дня в Караганде Есенин-Вольпин также провел в тюрьме. Его освободили 16 ноября, и на следующий день он написал длинное («без тюремной цензуры») письмо матери. Первое время математик снимал комнату у пары незнакомых ему пожилых людей, с которыми его связала неназванная «ссыльная московская юристка»²⁶. Кроме поддержки, оказанной этой женщиной, освобожденной с ним в один день из пересыльной тюрьмы, Есенин-Вольпин также получил в тюрьме адрес, по которому мог «обратиться за небольшой помощью»²⁷.

²¹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Елене Григорьевне и Александру Сергеевичу Козиным от 26 октября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

²² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 27 октября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

²³ Право переписки / авторы-составители Е. Жемкова и др. Москва: Мемориал, 2014. С. 41.

²⁴ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 8–9 января 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

²⁵ Кузнецова Е. и др. Карлаг: Пространство и судьбы. Караганда: Tengri LTD, 2013. С. 50.

²⁶ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 ноября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

²⁷ Там же.

В ссылке Есенин-Вольпин планировал продолжать заниматься наукой. Перед освобождением представители администрации тюрьмы обещали ему, что он будет работать по специальности²⁸. Через два дня после выхода из тюрьмы Есенин-Вольпин начал работать учителем математики старших классов в вечерней школе²⁹. Ссылному официально полагалась комната в бараке, которую ему предоставили уже в начале декабря. Однако в ней не оказалось кровати и постельных принадлежностей, поэтому в декабре он еще вынужден был снимать комнату у пожилой пары. Зарплата в вечерней школе составляла 615 руб., что было «немного» для математика из Москвы. Вместе с тем, Есенин-Вольпин радовался большому количеству свободного времени: «Целые дни я свободен и занимаюсь – по тем книгам, которые ты мне присылала в Ленинград»³⁰.

По просьбе сына, в начале декабря 1950 г. Надежда Вольпин переслала в Караганду 500 руб., теплую одежду, обувь и документы об утверждении ученой степени кандидата физико-математических наук, нужные ему для устройства на работу³¹. В письме от 13 декабря Есенин-Вольпин просил купить и прислать новые, а также уже имевшиеся в его московской библиотеке математические монографии и выпуски журнала «Успехи математических наук»³². Кроме того, задачей Надежды Вольпин было связать сына с его друзьями и коллегами. Друг Есенина-Вольпина, аспирант механико-математического факультета МГУ М.И. Грабарь (сын известного художника-постимпрессиониста И.Э. Грабаря), должен был помогать матери ссылному математика в поисках литературы. Позже Есенин-Вольпин сам установил связь с Грабарем, который пересылал ему нужные научные издания³³. Кроме того, Надежда Вольпин должна была наладить связь с Б.А. Трахтенбротом – аспирантом П.С. Новикова, специалиста по математической логике. С Новиковым и другим известным математиком, своим научным руководителем по аспирантуре в МГУ П.С. Александровым Есенин-Вольпин собирался вести самостоятельную переписку. Он просил мать

---

²⁸ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 ноября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

²⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 13 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 19 об.; Телеграмма Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин, без даты, не раньше 13 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 20.

³² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 13 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 19 об.

³³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 2 февраля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 48.

связаться с ними, чтобы ученые передавали через нее «фотокопии с различных иностранных статей и выдержки из монографий»³⁴.

Мы можем заключить, что уже в начале ссылки Есенин-Вольпин начал заниматься восстановлением социальных связей со знакомыми и коллегами из Москвы. Его целью была организация условий для продолжения научной деятельности в Караганде. Научным занятиям Есенина-Вольпина способствовали постоянные посылки матери из Москвы, которые нивелировали материальные ограничения ссылки (нехватку денег и вещей). Кроме того, Надежда Вольпин играла роль связующего звена между ссылкой сыном и его коллегами, таким образом помогая ему преодолевать географические ограничения ссылки.

В феврале 1951 г. Есенина-Вольпина уволили с работы. Он увидел в этом результат интриг одного из работников школы, который метил на его место³⁵. Увольнение не привело к утрате служебного жилья, ему разрешили оставаться в нем до мая. Есенин-Вольпин считал, что имеет юридическое право жить в бараке, не имея работы³⁶. При этом в письме матери от 30 апреля 1951 г. он уверял ее, что его «не собираются выгнать долго – до июля во всяком случае, но кажется, что и дольше»³⁷. По-видимому, вопрос жилья для ссылочного математика решался неформально.

Отсутствие работы Есенин-Вольпин воспринимал как «благодать». В начале года он «целыми днями сидел дома и читал книги по топологии», выбирая научную проблему, за которую мог бы взяться³⁸. Список литературы, необходимой Есенину-Вольпину в ссылке, постоянно расширялся. В городской и областной библиотеках Караганды не было иностранной научной литературы, поэтому он полагался лишь на постоянный поток литературы из Москвы³⁹. В январе 1951 г. в запросах Есенина-Вольпина стали появляться статьи и книги по математической логике⁴⁰. В письме матери от 17 марта 1951 г. он рассказывал об открытиях в новой для него сфере:

---

³⁴ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 13 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 19 об.

³⁵ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 28 февраля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 50.

³⁶ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 февраля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 49.

³⁷ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 30 апреля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 52.

³⁸ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 февраля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 49 об.

³⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 8–9 января 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 44 об.

⁴⁰ Там же. Л. 45.

Я тут сделал одну интересную штуку в математической логике и уже много дней сижу, пишу – и конца не видно. Все, по-видимому, верно – но займет очень много места, а как подумаю о том, что надо будет отпечатывать на машинке – так просто мороз по коже пробегает. Так что вот все сижу и пишу. <...> Когда кончу возню с перепиской и перепечаткой – pošлю Новикову, Маркову⁴¹ и Трахтенброту. Александрову тоже напишу об этом – и удастся, так и ему вышлю экземпляр⁴².

Летом 1951 г. Есенин-Вольпин просил мать отыскать старые журнальные публикации по математической логике, а бабушку – выслать ему две тетради конспектов лекций П.С. Новикова за 1948–1949 гг.⁴³ Имея в Караганде доступ к пишущей машинке, ссыльный исследователь уже в июне перепечатывал рукопись своей работы по математической логике⁴⁴.

С июля 1951 г. Есенин-Вольпин посылал результаты своей научной работы в Москву и Ленинград. Он установил связь с П.С. Новиковым, Б.А. Трахтенбротом и А.А. Марковым, которым пересылал свои работы авиапочтой⁴⁵. Надежда Вольпин продолжала быть связующим звеном между сыном и его коллегами. Она передавала посылки с работами и просьбы сына устно и в переписке Б.А. Трахтенброту, П.С. Новикову, П.С. Александрову и С.А. Яновской⁴⁶. С помощью коллег сына Надежда Вольпин присылала в Караганду фотокопии и рефераты статей советских и иностранных математиков⁴⁷. Она также перепечатывала для них работы Есенина-Вольпина на

⁴¹ А.А. Марков (1903–1972) – советский математик, специалист по топологии, живший в Ленинграде.

⁴² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 марта 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 51.

⁴³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 9 июня 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 53; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 июля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.

⁴⁴ Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 9 июня 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об.

⁴⁵ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 июля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 58 об.; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 10 апреля 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 76.

⁴⁶ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 3 ноября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 62; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 26 декабря 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 68.

⁴⁷ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 4 мая 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 79; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 21 мая 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 83; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 августа 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 91.

машинке⁴⁸. Летом 1952 г. Надежда Вольпин прислала сыну фильмоскоп, с помощью которого он читал фото пленки математической литературы⁴⁹.

В феврале 1952 г. Есенин-Вольпин передал Новикову тетрадь с конспектом своей статьи по математической логике через неназванного в письме матери «юношу», приехавшего в Караганду из Москвы⁵⁰. Надежда Вольпин передала ее Трахтенброту, ставшему вторым неофициальным рецензентом⁵¹. В начале мая Есенин-Вольпин обнаружил, что его работа воспроизводит результаты статьи польского математика Анджея Мостовского, реферат которой он получил из Москвы. Он отказался от публикации статьи в «Докладах Академии наук», так как его беспокоил невольный плагиат⁵². Уже через две с половиной недели Есенин-Вольпин написал Новикову письмо с идеями по изменению статьи⁵³. Редактура, рецензирование и публикация статьи заняли два года. В 1954 г. она вышла в первом номере журнала «Доклады АН СССР» под названием «Недоказуемость гипотезы Суслина без помощи аксиомы выбора в системе аксиом Бернаиса-Мостовского».

Таким образом, можно утверждать, что к середине срока ссылки Есенин-Вольпин сумел преодолеть ее географические ограничения. Он вел обширную переписку с ведущими советскими математиками (П.С. Новиковым, П.С. Александровым, С.А. Яновской и Б.А. Трахтенбротом), с которыми также был связан через свою мать и друзей в Москве. Обширные межрегиональные социальные связи позволили Есенину-Вольпину преодолеть и интеллектуальные ограничения ссылки, связанные с недоступностью научной литературы. Именно в Караганде ссылный начал заниматься математической логикой, которая впоследствии стала его основной научной специализацией.

---

⁴⁸ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 14 января 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 70.

⁴⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 июля 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 89.

⁵⁰ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 6 февраля 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 72.

⁵¹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 10 апреля 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 76; Письмо Бориса Трахтенброта Надежде Вольпин от 5 марта 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 108.

⁵² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 4 мая 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 79–79 об.

⁵³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 21 мая 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 83.

А.С. Есенин-Вольпин в Черновцах. 21 июля 1956 г.⁵⁴

В конце декабря 1950 г. Есенин-Вольпин переселился в две комнаты государственного одноэтажного барака, обходившиеся ему в 12 руб. в месяц. Чтобы топить печь, математик нанял соседку, жившую в соседнем бараке. За 120 руб. в месяц она также носила ему воду из колодца, стирала белье и мыла полы⁵⁵. Однако условия жизни в бараке по-прежнему казались Есенину-Вольпину посредственными:

... у меня сейчас по-пролетарски нет ни матраца, ни подушки, ни этажерки, ни рукомойника, ни кастрюли, ни чайника, ни плитки, ни даже стула – есть только железная кровать и стол⁵⁶.

При этом экономические условия жизни в Караганде представлялись молодому москвичу удовлетворительными. В первом письме из Караганды он писал: «жизнь здесь намного дешевле чем в Москве (напр., комнату можно снять руб. за 50–70 в месяц или купить за 400 руб.)»⁵⁷. В конце года в письме матери Есенин-Вольпин снова описывал условия жизни в ссылке. Кроме констатации благоприятного продуктового положения в Караганде в нем присутствует явное

⁵⁴ Фото А.С. Есенина-Вольпина в Черновцах. 21 июля 1956 г. Подпись на обороте: «Милой маме» // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2809. Оп. 1. Д. 223.

⁵⁵ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 24 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.

⁵⁶ Там же. Л. 23 об.

⁵⁷ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 ноября 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

пренебрежение к социальной специфике города, основанного вокруг шахтерских поселков:

Продукты в магазинах есть – хлеб, колбаса, масло, сыр, конфеты – без всяких очередей; с сахаром дело обстоит хуже (хотя тоже бывает – но большей частью песок, и затем очереди, я обхожусь конфетами). В столовых можно прилично пообедать – в одних за 5, в других за 8 руб., но они здесь работают капризно, часто оказываются закрыты, надо куда-то идти искать – у всех, видишь ли, свои часы работы, и ни одна не придерживается строго никаких правил. Папирос есть сколько угодно. Но все рассчитано на рабочую публику, от вкусов которой мне удастся уединиться вполне только дома...⁵⁸

В марте 1951 г., отвечая на вопрос Надежды Вольпин о продуктах в ссылке, он написал, что в Караганде есть сахар и сливочное масло, «сколько удобного и без всякой очереди»⁵⁹. В этом отношении Караганда выделялась на фоне послевоенных городов РСФСР. В августе 1951 г. сестра Надежды Вольпин, жившая в Угличе, писала об отсутствии в городе сливочного масла, сахара и белого хлеба и больших очередях за черным хлебом⁶⁰. Впрочем, для покупки продуктов Есенин-Вольпин преимущественно полагался на финансовую помощь матери. К концу 1950 г. ему еще не вернули деньги, изъятые в психиатрической больнице в Ленинграде, а после расчета с прислугой и оплаты аренды за две комнаты барака у него оставалось 400 руб. – сумма, которую он считал незначительной⁶¹. В начале января 1951 г. Надежда Вольпин вновь прислала сыну 500 руб., посылку с постельными принадлежностями и бандероль с книгами⁶².

Математик не торопился искать новую работу, так как был занят научной деятельностью, существуя на средства, получаемые из Москвы. Его бабушка, Анна Борисовна Жислин, и мать продолжали ежемесячно высылать в Караганду деньги (обычно – по 500 руб.), одежду и обувь⁶³. Кроме того, в апреле Есенин-Вольпин получил деньги из Ленинграда. В письме бабушке от 9 июня 1951 г. он

⁵⁸ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 24 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 23–23 об.

⁵⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 17 марта 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 51.

⁶⁰ Письмо Любови Вольпин Надежде Вольпин, без даты // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

⁶¹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 24 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 об.

⁶² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 8–9 января 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 44–45.

⁶³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 30 апреля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 52.

вновь писал о лучшем по сравнению с Москвой положении с продуктами и об отсутствии очередей в городе⁶⁴. Можно констатировать, что в исследуемый период Караганда положительно выделялась на фоне других советских городов, страдавших от продуктового дефицита. В арендуемом государственном жилье Есенин-Вольпин пользовался услугами платной прислуги, а материальные ограничения ссылки преодолевал с помощью матери и бабушки, присылавших ему деньги, одежду, научные статьи и книги по математике.

Барак, в котором первоначально жил Есенин-Вольпин, находился в Старом городе – районе, образовавшемся из слияния поселков при шахтах, число которых значительно увеличилось в 1930-е гг.⁶⁵ Старый город в основном населяли рабочие угольных шахт⁶⁶. Жить «на самых углях» ему не нравилось. «Район, в котором я живу, совсем похабный, – писал Есенин-Вольпин матери в феврале 1951 г., – постараюсь перебраться поближе к новому городу, там все-таки культурней»⁶⁷. В Новый город, культурно-административный центр Караганды, он ездил, чтобы насладиться парками и водоемами⁶⁸. Его облик казался ссыльному москвичу «совсем европейским»⁶⁹. В Новый город входил поселок Большая Михайловка, население которого в значительной мере состояло из раскулаченных крестьян, депортированных немцев и ссыльных со всего Советского Союза⁷⁰.

К весне 1951 г. в Большой Михайловке поселились московские знакомые Есенина-Вольпина: В.М. Герлин, Ю.А. Айхенвальд и Наум Коржавин. Герлин была арестована в августе 1949 г., и прежде чем ее сослали в Кокчетавскую область Казахской ССР, она познакомилась в Бутырской тюрьме с мемуаристкой и узницей ГУЛАГа О.Л. Адамовой-Слиозберг⁷¹. В 1950 г. Герлин позволили переехать в Караганду, и она сразу направилась к Адамовой-Слиозберг, сосланной туда в декабре 1949 г.⁷² Через несколько месяцев Герлин

⁶⁴ Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 9 июня 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 53.

⁶⁵ *Барак Т.Я.* Караганда. Москва: Государственное издательство архитектуры и строительства, 1950. С. 12–15.

⁶⁶ *Коржавин Н.М.* В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 438.

⁶⁷ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 28 февраля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 50.

⁶⁸ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 2 февраля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 47; Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 9 июня 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 53.

⁶⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 24 декабря 1950 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 об.

⁷⁰ *Коржавин Н.М.* В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 445.

⁷¹ *Gheith J.M., Jolluck K.R.* Gulag voices: Oral histories of Soviet incarceration and exile. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 164–165.

⁷² *Gheith, J.M., Jolluck, K.R.* Gulag voices: Oral histories of Soviet incarceration and exile. P. 164–165.

познакомилась с поэтом Юрием Айхенвальдом, также сосланным из Москвы в Караганду в 1949 г., за которого вскоре вышла замуж. Наума Коржавина выслали в Караганду из Москвы весной 1951 г. Он был знаком с Есениным-Вольпиным и Айхенвальдом еще с 1944 г.⁷³ Валерия Герлин связала Есенина-Вольпина и Наума Коржавина с Ольгой Адамовой-Слиозберг.

После встречи в Караганде с московскими знакомыми Есенин-Вольпин установил не только виртуальные (с помощью почты и телеграфа), но и реальные социальные связи. По воспоминаниям Ольги Львовны Адамовой-Слиозберг, их карагандинская «компания» включала В. Герлин, Ю. Айхенвальда, Есенина-Вольпина и несколько других ссыльных⁷⁴. Из воспоминаний Н. Коржавина известно, что он также входил в нее⁷⁵. В этой компании проходило общение ссыльных, отмечались праздники. По воспоминаниям Адамовой-Слиозберг, административно-юридические условия жизни ссыльных в Караганде заключались лишь в «унизительных процедурах отметок в КГБ». В остальном она характеризовала повседневную жизнь в ссылке, как «нормальную», подразумевая неотличимость повседневного общения с друзьями в Караганде и в Москве⁷⁶.

Все карагандинские друзья Есенина-Вольпина оставили схожие воспоминания о его поведении в ссылке. Так, на дне рождения Ольги Адамовой-Слиозберг 1 августа 1951 г. он произнес тост «за то, чтобы подход Сталин!»⁷⁷ Ю. Айхенвальд вспоминал, что, выпивая в ее квартире, Есенин-Вольпин мог крикнуть: «Смерть большевикам!»⁷⁸ Однажды, увидев перевозимых в грузовиках заключенных Карагандинского исправительно-трудового лагеря, он торжественно прокричал: «Привет, товарищи! Держитесь! Скоро наступит свобода!»⁷⁹ Друзья Есенина-Вольпина пытались мешать ему высказывать «крамольные» мысли не только на улице, но и у себя дома, считая, что они прослушиваются осведомителями МГБ⁸⁰. Однако ссыльный математик ни разу не понес наказания за слова, которые в Москве однозначно были бы расценены как «контрреволюционная агитация».

Таким образом, мы можем констатировать определенную парадоксальность административно-юридических условий жизни ссыльных в Караганде в 1950–1953 гг. Она заключалась в возможности выражать мысли, за которые в

⁷³ Коржавин Н.М. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 443–444, 463.

⁷⁴ Адамова-Слиозберг О.Л. Путь. Москва: Возвращение, 1993. С. 195.

⁷⁵ Коржавин Н.М. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 466.

⁷⁶ Адамова-Слиозберг О.Л. Путь. С. 195.

⁷⁷ Адамова-Слиозберг О.Л. Путь. С. 203–204.

⁷⁸ Айхенвальд Ю.А. Последние страницы. Воспоминания, проза, стихи. Москва: РГГУ, 2003. С. 289–290.

⁷⁹ Коржавин Н.М. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 466.

⁸⁰ Айхенвальд Ю.А. Последние страницы. Воспоминания, проза, стихи. С. 289–290; Адамова-Слиозберг О.Л. Путь. С. 203–204.

Москве грозили арест и заключение. Хотя Есенин-Вольпин не мог избежать процедуры отметок в МГБ, он пренебрегал репрессивной социальной нормой, вызванной предполагаемым надзором за ссыльными со стороны осведомителей МГБ.

19 июня 1951 г. Есенина-Вольпина в ссылке навестил муж его тети, Л.Д. Вольпин, направлявшийся в Алма-Ату. Он передал деньги от А.Б. Жислин и после короткого разговора составил впечатление об условиях ссылки. Так же как и его племянник, москвич счел жизнь в Караганде «недорогой»; в письме Надежде Вольпин он отметил наличие сахара и белого хлеба⁸¹. Есенин-Вольпин сообщил дяде о знакомстве с профессором Карагандинского мединститута Г.Я. Хволисом, обещавшим «устроить его на работу»⁸².

В июле 1951 г. Есенина-Вольпина попросили освободить жилье, предоставленное ему как учителю школы. Он стал снимать комнату в частном доме за 100 руб. в месяц, как и прежде – в Старом городе⁸³. Н. Коржавин вспоминал, что люди, сдававшие комнаты в своих домах, были доброжелательны к ссыльным; некоторые из них были из раскулаченных⁸⁴. Действительно, между Есениным-Вольпиным и хозяйкой дома скоро сложились неформальные отношения. Так, например, она попросила приютить в Москве на несколько дней ее дочь, возвращавшуюся домой из Тбилиси через столицу. В письме матери Есенин-Вольпин предлагал разместить ее в его комнате в квартире бабушки⁸⁵.

В начале сентября 1951 г. Надежда Вольпин приехала в Караганду. С ее помощью Есенин-Вольпин переехал в дом в Большой Михайловке⁸⁶. Матерью ссыльного был заключен договор с хозяйкой дома, по которому она и ее родственники помогали Есенину-Вольпину по хозяйству: готовили еду, топили печь, убирались в комнате, ремонтировали одежду и обувь⁸⁷. Взамен

⁸¹ Письмо Любови Вольпин Надежде Вольпин от 2 июня 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 38–39.

⁸² Там же.

⁸³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 июля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.

⁸⁴ Коржавин Н.М. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 445–446.

⁸⁵ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 июля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.

⁸⁶ С октября его письма начали приходиться с адреса по ул. Новой. В письме матери от 19 августа 1952 г. он писал о возможном переезде, в случае которого больше не позволит матери «таскаться с вещами» (См.: Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 августа 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 90).

⁸⁷ Письмо Марии Савельевой Надежде Вольпин от 23 октября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 42–43; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 22 октября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 61; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 18 ноября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 63.

Н. Вольпин высылала из Москвы нитки, постельное белье, одежду и обувь⁸⁸. В сентябре Есенин-Вольпин снова устроился учителем в школу. С поиском работы математику помогали сосланные из Москвы профессор Г.Я. Хволис и доцент Горного института Э.И. Реттер⁸⁹. Спустя два месяца, Есенина-Вольпина снова уволили; как ему сообщили – «по сокращению штатов»⁹⁰. После этого Надежда Давыдовна предложила сыну повременить с поиском новой работы⁹¹.

Досуг Есенина-Вольпина кроме книг и друзей теперь включал кинематограф⁹². Например, в ноябре он смотрел в кинотеатре только что вышедший на экраны фильм «Спортивная честь», снятый по сценарию его дяди М.Д. Вольпина и Н.Р. Эрдмана⁹³.

Среди множества знакомых Есенина-Вольпина в ссылке были известные советские ученые – биофизик А.Л. Чижевский с женой Н.В. Перешкольник и экономист А.Л. Вайнштейн. У Александра Чижевского была пишущая машинка, которой мог пользоваться Есенин-Вольпин для печати своих работ. Он передавал матери в Москву просьбы о покупке одежды и копировальной бумаги; в конце мая 1952 г. Чижевский благодарил в письме Н. Вольпин за три пачки копировальной бумаги⁹⁴. Благодаря знакомству с Есениным-Вольпиным Альберт Вайнштейн имел возможность узнавать через Н. Вольпин о состоянии здоровья своей матери, жившей в Москве⁹⁵. Работающие в местных научных

⁸⁸ Письмо Марии Савельевой Надежде Вольпин от 23 октября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 42–43; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 14 января 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 70 об.; Письмо Марии Савельевой Надежде Вольпин от 15 апреля 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 107.

⁸⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 22 октября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 83; *Капышев А.К.* Взаимодействие региональной власти и учебных заведений Центрального Казахстана в 1930-е – первой половине 1950-х годах // Наука и образование: современные тренды / под редакцией О.Н. Широкова. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. Серия «Научно-методическая библиотека». Вып. 5. С. 75.

⁹⁰ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 ноября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

⁹¹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 14 января 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 70 об.

⁹² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 июля 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.

⁹³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 ноября 1951 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

⁹⁴ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 25 марта 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 75; Письмо Александра Чижевского Надежде Вольпин от 22 мая 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 105.

⁹⁵ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 8 сентября 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 93; Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 6 февраля 1953 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 113.

учреждениях Чижевский и Вайнштейн, по-видимому, помогали математику с поиском работы.

В августе 1952 г. Есенин-Вольпин вновь попытался устроиться на работу в среднюю школу, однако против его кандидатуры выступила руководитель областного отдела народного образования⁹⁶. На сей раз отказ был мотивирован неумением Есенина-Вольпина ладить с детьми, в котором он и сам признавался в письмах матери. Однако уже в сентябре ссыльный математик нашел работу в заочной школе⁹⁷.

Надежда Вольпин навестила сына во второй раз в октябре 1952 г.⁹⁸ После ее отъезда Есенин-Вольпин начал давать частные уроки инженерам, учившимся в заочном университете. В поиске учеников ему помог неназванный в письме матери учитель, сосланный из Одессы⁹⁹. Репетиторство приносило математику от 15 до 20 руб. за час, поэтому он позволил себе отказаться от предложенной ему работы в другой школе¹⁰⁰. В то же время Надежда Вольпин по-прежнему присылала сыну одежду и деньги. В декабре он оформил подписку на газету «Правда» и журнал «Успехи математических наук». Теперь в письмах родственникам он писал о «приемлемых» условиях жизни в ссылке¹⁰¹. Несмотря на начавшиеся в конце 1952 г. в Караганде перебои с продуктами, в остальном жизнь Есенина-Вольпина в ссылке приобретала все больше черт «нормальности». В карагандинской библиотеке открывалась перспектива получения иностранных книг и журналов¹⁰², первая партия которых пришла Есенину-Вольпину из Москвы в конце марта¹⁰³.

Таким образом, к середине ссылки Александр Есенин-Вольпин смог преодолеть все ограничения, которые заботили его с момента приезда в Караганду. Он установил связи с многими представителями интеллигенции, сосланными в Караганду из разных городов Советского Союза. Их отношения

⁹⁶ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 19 августа 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 90.

⁹⁷ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 2 сентября 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 92.

⁹⁸ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 2 ноября 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 95.

⁹⁹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 13 ноября 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 96.

¹⁰⁰ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 12 декабря 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 100 об.

¹⁰¹ Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 31 декабря 1952 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 104

¹⁰² Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 марта 1953 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 116.

¹⁰³ Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 29 марта 1953 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 118.

часто представляли собой обмен услугами: с помощью ссыльных знакомых и друзей Есенин-Вольпин находил работу и жилье в ссылке, имел доступ к печатной машинке; взамен его мать выполняла их просьбы в Москве. После увольнения с работы и утраты государственного жилья, Есенин-Вольпин снимал комнату в частном доме; как и прежде, ему помогала прислуга. Этот аспект ссылки в Караганде представляет особенный интерес с точки зрения истории межрегиональных экономических связей в позднесталинский период. В случае Есенина-Вольпина, между Москвой и Карагандой установился своеобразный бартер, согласованный в форме устного договора. Его мать, Н. Вольпин, пересылала арендодателям сына дефицитные товары (постельное белье, одежду), взамен Есенину-Вольпину предоставляли услуги по ведению домашнего хозяйства.

20 марта 1953 г., спустя больше двух недель после смерти И.В. Сталина, Есенин-Вольпин в письме матери говорит о своем нескором освобождении в 1955 г.¹⁰⁴ Из этого можно сделать вывод, что диссидент никак не связывал его со смертью руководителя Советского Союза. Однако 27 марта 1953 г. был опубликован указ Верховного совета СССР об амнистии. Без видимого удовольствия он писал в письме бабушке 29 марта, что «формально подпадает под действие объявленной вчера амнистии – в силу статей 1, 6 и 7»¹⁰⁵. Есенин-Вольпин не был уверен, дадут ли ему право на проживание в Москве или ему придется поселиться на «101 километре».

Освобождение по амнистии предполагало получение нового паспорта без отметки об ограничении передвижения. Ссыльным требовалось заполнить заявление в милиции¹⁰⁶. 14 апреля Есенин-Вольпин получил справку об освобождении в карагандинском отделении МВД¹⁰⁷, а 25 апреля покинул Караганду и через четыре дня был в Москве. В конце года он будет вспоминать, что его встретили с «почти повсеместной радостью», которая, как ему казалось, иногда относилась не к его личности, а к самому факту возвращения репрессированного¹⁰⁸.

Заключение

Ссылка в Караганду в 1950–1953 гг. представляла собой важное явление не только политической, но и социальной истории эпохи позднего сталинизма. В

¹⁰⁴ Письмо Александра Есенина-Вольпина Надежде Вольпин от 20 марта 1953 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 116 об.

¹⁰⁵ Письмо Александра Есенина-Вольпина Анне Жислин от 29 марта 1953 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 118.

¹⁰⁶ *Коржавин Н.М.* В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания. С. 587.

¹⁰⁷ Заявление Александра Есенина-Вольпина в связи с делом 1949 года, без даты // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.

¹⁰⁸ Дневниковая запись Александра Есенина-Вольпина от 31 декабря 1953 г. // АММ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 13. Л. 28 об.

это время Особое Совецание при МГБ сосредоточило в Караганде множество представителей интеллигенции из разных регионов Советского Союза. Рассмотренный в статье случай Александра Есенина-Вольпина – молодого ученого-математика и поэта, осужденного за «контрреволюционную агитацию», – позволил выявить социально-экономические и административно-юридические особенности жизни в ссылке в Караганде в 1950–1953 гг.

Сосредоточение большого числа ученых и писателей из Москвы в Караганде представляло определенное преимущество для социальных условий жизни ссыльных. В ссылке Александр Есенин-Вольпин восстановил связи со своими знакомыми и друзьями, так же как и он сосланными в Караганду из Москвы. Кроме того, там он познакомился со ссыльными московскими учеными и поддерживал контакты с московскими коллегами и родственниками благодаря почте и телеграфу. Разнообразные социальные связи Есенина-Вольпина в ссылке позволяли ему удовлетворять нужды, связанные с поиском работы, доступом к научной литературе и печатной машинке.

Экономические условия жизни в ссылке в Караганде в 1950–1953 гг. отличались отсутствием продуктового дефицита, наблюдаемого в городах европейской части СССР в послевоенный период. В случае Есенина-Вольпина, материальная поддержка родственников в виде посылок с деньгами и одеждой позволяла ссыльному заниматься самообразованием и научной деятельностью. Повседневную жизнь ссыльного разнообразили также кинематограф и общение с друзьями.

Ссылочный опыт Есенина-Вольпина ставит под сомнение факт существования всепроникающего надзора осведомителей МГБ, описанного в мемуарах и воспоминаниях других ссыльных. Открытое пренебрежение Есенина-Вольпина предполагаемым милицейским надзором и сопротивление навязываемому друзьями страху перед ним позволяет говорить о парадоксальности такой формы наказания, как ссылка в Караганду в 1950–1953 гг., допускавшей возможность выразить мысли, за которые в Москве грозили бы арест и заключение.

Introduction

The historiography of state repression in the Soviet Union between 1920 and 1953 includes numerous works. A significant part of them is devoted to the subject of exiles and deportations of certain (ethnic, social, or confessional) communities of people to camps and special settlements, which was carried out in the form of “operations” in certain years (the “kulak exile” in 1930–33, deportations of peoples in 1941 and in 1943–44, or deportation of Jehovahists in 1951, etc.).¹ In his innovative work devoted to forced migrations in the USSR, P. Polyán proposed a detailed classification of repression related to forced displacement of people. In addition to the above criteria, the researcher also singled out a political criterion, according to which, among others, people recognized as “socially dangerous elements” were also exiled to different regions of the Soviet Union.² According to the special Decree of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People’s Commissars of the USSR “On the Special Council under the NKVD of the USSR” no. 22 as of November 5, 1934, the Special Council of the NKVD (later the MGB) of the USSR had the exclusive right to banish and exile people on the basis of this criterion.³ According to the memorandum of Minister of Internal Affairs S. Kruglov and Chief Prosecutor of the USSR General R. Rudenko addressed to N. Khrushchev, in the period between 1934 and 1953, the Special Council sentenced 67 539 persons to displacement and exile within the borders of the USSR.⁴

In the works by Pavel Polyán and other researchers, somehow dedicated to forced migration (usually in connection with the history of the Gulag), the subject of exile in the late 1940s – early 1950s remains practically unexplored.⁵ One can

---

¹ The bibliography of this topic is extremely extensive. For an exhaustive list of references, see S.I. Starostin, “Mass deportations and the system of special settlements in Vologda Region in the 1930s–1950s,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 212–317, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

² P. Polyán, *Against their will... The history and geography of forced migrations in the USSR* [in Russian] (Moscow: O.G.I. – Memorial, 2001), 46–48.

³ “Postanovlenie Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta SSSR i Soveta narodnykh komissarov SSSR ot 5 noyabrya 1934 goda № 22 ‘Ob Osobom Soveshchanii pri NKVD SSSR’” [Decree of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People’s Commissars of the USSR “On the Special Council under the NKVD of the USSR” no. 22 as of November 5, 1934], accessed December 13, 2020, https://ru.wikisource.org/wiki/Resolution_of_the_CEC_and_SNK_USSR_dated_5.11.1934_№_22.

⁴ A.N. Artizov et al., comps., *Rehabilitation: the way it happened. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials* [in Russian], vol. 1, *March 1953 – February 1956* (Moscow: MFD, 2000), 72–74.

⁵ We do not take into account any biographical works in which the period of exile of a person under study is not subjected to detailed consideration. However, within the framework of this article, the important work by Stephen A. Barnes on the Gulag in Karaganda Oblast should be

say with certainty that this is due to the individual and occasional nature of such repression. The Special Council arbitrarily designated people as “socially dangerous elements” and exiled them to the Asian part of the USSR on the basis of Articles 7 and 35 of the Criminal Code of the RSFSR.⁶ Unlike the deported classes and ethnic groups, many political exiles of the later years of the Stalin era were united only by the mere fact that they were initially convicted under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR. For instance, N. Korzhavin, a Russian poet, was exiled in 1948 to Novosibirsk Oblast for three years following his arrest and conviction for counterrevolutionary propaganda (Article 58-10).⁷ In 1949, A. Efron was also exiled to the Turukhanskii Krai for her whole life, having been previously convicted by the court under Article 58.⁸

Not only does the study of the lives of exiles in the late Stalinist period provide a much fuller picture of state repressions, which does not fit into the reductionist narrative of the suffering of intellectuals in the prisons and camps of the Gulag system. The study of exile provides an opportunity to distance the research focus from the traditional objects of analysis – Moscow and Leningrad – and thereby to

---

pointed out (S.A. Barnes, *Death and redemption: the Gulag and the shaping of Soviet society*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011). Despite the fact that the author studied only the cases of ethnic and class deportation in the 1930s, his work is fundamental to the research of the exiles in Karaganda.

⁶ For many exiles, as a rule, two articles were combined into one, “7–35.” Article 7 was of a general nature: according to it, people who “committed socially dangerous acts” were subject to “social protection measures of a judicial-correctional, medical, or medical-pedagogical nature.” Article 35 in its turn defined one of those measures, which was “removal from the RSFSR or from a certain territory with the following mandatory settlement or prohibition to reside in other territories or without these restrictions. . . in relation to those convicts whose stay in a certain territory was recognized by the court as socially dangerous” (*Criminal Code of the RSFSR* [in Russian] (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1950), 5, 21). Of course, in practice, the decisions on the exile of “socially dangerous elements” were made by the Special Council. As S. Ignatiev, the representative of the Central Committee of the CPSU in the Ministry for State Security, noted in 1951, “in violation of the basic legislation on jurisdiction, a significant part of the cases investigated by the state security agencies was sent by the MGB bodies to the Special Council under the Ministry of State Security of the USSR rather than to the judiciary bodies (“Sluzhebnyaya zapiska S.D. Ignat'eva I.V. Stalinu Ob Osobom soveshchanii pri MGB SSSR s prilozheniem proekta Ukaza PVS SSSR i Polozheniya ob Osobom soveshchanii. 28 dekabrya 1951 g.” [Memorandum of S.D. Ignatiev to I.V. Stalin “On the Special Council under the Ministry of State Security of the USSR with the enclosed draft Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and the Regulations on the Special Council” as of December 28, 1951]. F. 3, op. 58, d. 10, ll. 56–62. Arkhiv Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Archive of the President of the Russian Federation] (AP RF), Moscow, Russia).

⁷ N.M. Korzhavin, *The temptations of a bloody era: Memoirs* [in Russian], bk. 1 (Moscow: Zakharov, 2007), 853–54.

⁸ A.S. Efron, *About Marina Tsvetaeva: Memoirs of a daughter* [in Russian] (Moscow: Sovetskii pisatel', 1989), 20–21.

broaden scientific understanding of various aspects of Soviet history. In addition, the study of exile to Karaganda addresses the problems that have arisen in historiography as a result of the “spatial turn.”⁹ Among such problems are inter-city and inter-republican relations as well as socio-economic and administrative-legal heterogeneity of Soviet regions.

The object of this study is the period of life of Alexander Esenin-Vol'pin between 1950 and 1953. Alexander Esenin-Vol'pin (1924–2018), an illegitimate son of Sergei Esenin, was a poet and mathematician who became a prominent dissident in the 1960s and a founder of the Soviet human rights movement. After his arrest in July 1949, A. Esenin-Vol'pin was exiled to Karaganda and his exile lasted from November 14, 1950 till April 25, 1953. The subject of the analysis is this exile in Karaganda between 1950 and 1953 as a form of punishment and as a set of special socio-economic, administrative-legal and material conditions of dissidents' life in the era of late Stalinism. In order to explore the above-mentioned problems, in this article I will attempt to answer a number of research questions: (1) what material and legal conditions of life in Karaganda Esenin-Vol'pin faced and how they changed during the period of exile; (2) what he did in his everyday life; (3) what social connections in Moscow, Karaganda and other cities of the Soviet Union he maintained or established after his exile; how he overcame the geographical and material limitations of exile.

The present study of A. Esenin-Vol'pin's life in exile is based on the theoretical premise of relational sociology, according to which the life of social actors is determined by social ties and interaction with other social actors.¹⁰ The analysis of Esenin-Vol'pin's social ties will allow us to reveal the socio-economic side of exile in Karaganda and interregional communications in the period under study. We adhere to the view of Hermione Lee, a well-known English biographer, literary critic and scholar, according to which any biographical research is a way of analyzing “big” history.¹¹ Thus, the subject of this study is the exile in Karaganda in 1950–53 as an area of social history in the period of late Stalinism rather than Esenin-Vol'pin's life in the period under study.

The main sources for this article are the ego-documents of Alexander Esenin-Vol'pin and his relatives and friends written between 1950 and 1953. They are letters and telegrams, which were deposited in the Esenin-Vol'pin's collection in the archives of the International Memorial in Moscow. These sources are being

---

⁹ L.P. Repina, “History of the regions, or ‘Historian's territory’ after the spatial turn” [in Russian], *Dialog so vremenem*, is. 69 (2019): 5–16.

¹⁰ E. Erikson, “Relationalism and social networks,” in *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*, ed. F. Dépelteau (Cham: Palgrave Macmillan, 2018), 271, 273.

¹¹ H. Lee, *Biography. A very short introduction* (Oxford; New York: Oxford University Press, 2009), 13–14.

researched for the first time. The life of Alexander Esenin-Vol'pin in exile is also being specifically studied for the first time.¹²

Main body

On June 1, 1949 Alexander Esenin-Vol'pin defended his Candidate of Science dissertation at the Research Institute of Mathematics of Moscow State University and was placed on the job of senior lecturer at Chernivtsi University, which he started on July 1 of the same year.¹³ In three weeks he was arrested by the employees of the Chernivtsi MGB department and was transported to Moscow under guard. On July 25, he was interrogated and charged under Article 58-10 for “counterrevolutionary agitation” and reciting “anti-Soviet poetry” in Moscow between 1946 and 1949.¹⁴ On October 1, 1949, he was sentenced by the Special Council of the Ministry of State Security to compulsory treatment in the psychiatric hospital of Prison no. 2 in Leningrad.¹⁵ In May 1950, Esenin-Vol'pin successfully passed a forensic psychiatric examination. However, on September 9, 1950, the Special Council reclassified the charge. A. Esenin-Vol'pin was charged under Article 7-35 and the Special Council sentenced him to the exile for five years in Karaganda Oblast as a “socially dangerous element” (the period of exile began from the date of his conviction).¹⁶

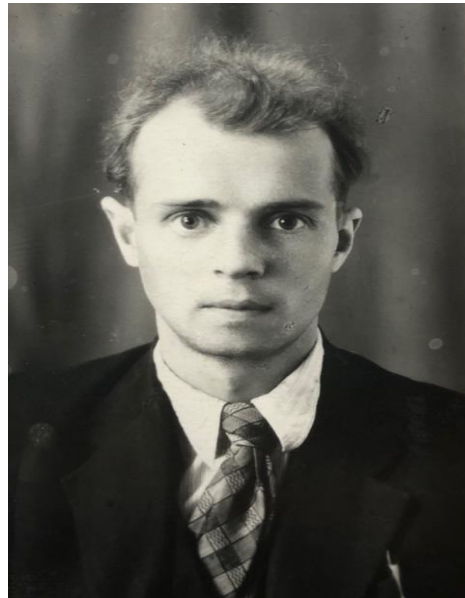
¹² In the most informative study of the biography of Esenin-Vol'pin by Benjamin Nathans, only one paragraph is devoted to his life in exile (See B. Nathans, “The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the idea of rights under “Developed Socialism,” *Slavic Review*, vol. 66, is. 4 (2007): 640).

¹³ “Avtobiografiya, 12 iyunya 1953 g.” [Autobiography, June 12, 1953]. F. 120, op. 1, d. 17, l. 2. Arkhiv Mezhdunarodnogo Memoriala [Archive of Memorial International] (AMM), Moscow, Russia. Contrary to popular opinion, the dissertation was devoted to topology rather than mathematical logic (its subject was “On the Weight of Biocompacts”); “Diplom kandidata nauk, vydan 4 aprelya 1950 g. resheniem Soveta moskovskogo ordena Lenina gosudarstvennogo universiteta im. Lomonosova ot 4 iyulya 1949 g.” [Diploma of Candidate of Sciences, issued April 4, 1950 by the decision of the Council of Moscow Order of Lenin Lomonosov State University as of July 4, 1949]. F 120, op. 1, d. 17, l. 10. AMM; “Spravka o tom, chto A.S. Esenin-Vol'pin s 1 iyulya po 1 avgusta 1949 g. rabotal v Chernovitskom universitete, 22 noyabrya 1956 g.” [Certificate stating that A.S. Esenin-Vol'pin worked at Chernivtsi University from July 1, 1949 till August 1, 1949, dated November 22, 1956]. F. 120, op. 1, d. 17, l. 16. AMM.

¹⁴ “Opredelenie sudebnoi kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo suda SSSR po nadzornomu proizvodstvu № 6199s/55 ot 25.01.1956” [Decision of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the USSR on Supervisory Proceedings No. 6199c/55 as of 25.01.1956]. F. 120, op. 1, d. 14, l. 53. AMM.

¹⁵ A.S. Esenin-Volpin, *Philosophy. Logics. Poetry. Protection of human rights: Selected works* [in Russian], comp. A.Yu. Daniel' et al. (Moscow: RGGU, 1999), 9.

¹⁶ “Vypiska iz protokola № 41 OSO pri MGB ot 9 sentyabrya 1950 g.” [Extract from protocol no. 41 of the Special Council of the MGB as of September 9, 1950]. F. 120, op. 1, d. 14, l. 48. AMM.

Alexander S. Esenin-Vol'pin in 1949

Source: F. 120, op. 1, d. 17. AMM

A. Esenin-Vol'pin was not informed of the decision of the Special Council until October 10.¹⁷ Four days later he was released from the Leningrad psychiatric hospital.¹⁸ The delay in his release appears to have been due to the arrangements for his transfer. On October 17, 1950, Esenin-Vol'pin wrote his first letter to his mother Nadezhda D. Vol'pin from a transit prison in Kirov. He did not write about the circumstances of the transfer. Most likely, the mathematician was moved to Karaganda by train: it was common practice for exiles to be transferred in special railroad carriages, the so-called Stolypin wagons, under escort.¹⁹ Esenin-Vol'pin was allowed to keep the books that Nadezhda Vol'pin had sent him to Leningrad. However, he was not allowed to take 580 roubles that he had, which is why in his letter from Kirov, he asked his mother to send him money by telegraph.²⁰ Esenin-Vol'pin stayed in the transit prison in Kirov for a little less than two weeks.

On 26 October, 1950, Esenin-Vol'pin arrived at a transit prison in Sverdlovsk. From there, he wrote a letter to his relatives, E.G. Kozina and A.S. Kozin who lived in Sverdlovsk. Esenin-Vol'pin asked for 20 roubles for a telegram to his

---

¹⁷ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 oktyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of October 17, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 11. AMM.

¹⁸ “Zayavlenie Aleksandra Esenina-Vol'pina v svyazi s delom 1949 goda, bez daty” [Statement by Alexander Esenin-Vol'pin in connection with the 1949 case, undated]. F. 120, op. 1, d. 14, l. 1 ob. AMM.

¹⁹ Z.A. Veselaya, 7–35. *Memories of prison and exile* [in Russian] (Moscow: Vozvrashchenie, 2006), *WikiReading*, accessed December 13, 2020, <https://biography.wikireading.ru/193902>

²⁰ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 oktyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of October 17, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 11. AMM.

mother.²¹ He was still in need of money. In the letter to his mother as of October 27, Esenin-Vol'pin wrote, “Apparently the telegram was late and the money was sent back to you.”²² Most likely, the letter requesting the money did not reach Moscow in time, as correspondence from transit prisons was often delayed. Indeed, the letter to his relatives sent by Esenin-Vol'pin from the prison in Sverdlovsk arrived only four days later.²³ In a letter to Nadezhda Vol'pin as of October 30, 1950, Elena Kozina recounted an unsuccessful attempt to deliver a parcel to the transit prison:

I received the letter at seven o'clock in the evening. At half past eight I was already at the transit prison and wanted to hand him over 100 roubles and a parcel. But it was late and they did not take it from me, as they only accept parcels on Mondays and Fridays until 6 p.m. Despite all my requests, I couldn't get anything from them. I was told to come back on Friday. Unfortunately, today is Monday and I am afraid Aleck would leave by then. They do not even tell me if he is still there. “You will find out on Friday,” and that was all, the doors were closed.²⁴

Esenin-Vol'pin stayed in Sverdlovsk for about a fortnight, which means that he most likely received a parcel from his relatives.²⁵ On November 14, 1950, he arrived in Karaganda. Thus, his transfer to Karaganda from Leningrad took almost a month, during which time the exiled was temporarily held in the transit prisons in Kirov and Sverdlovsk.

Esenin-Vol'pin was kept in prison for the first two days in Karaganda as well. He was released on November 16, and a day later wrote a long (“without any prison censorship”) letter to his mother. The mathematician initially rented a room with a couple of elderly strangers, with whom he was put in touch by an unnamed woman, an “exiled Moscow lawyer,” whose released from the transit prison was

---

²¹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Elene Grigor'evne i Aleksandru Sergeevichu Kozinym ot 26 oktyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Elena Grigorievna and Alexander Sergeevich Kozin as of October October 26, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 12. AMM.

²² “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 27 oktyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of October 27, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 13. AMM.

²³ E. Zhemkova et al., *The right to correspond* [in Russian] (Moscow: Memorial, 2014), 41.

²⁴ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 8–9 yanvarya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of January 8–9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 32. AMM.

²⁵ E. Kuznetsova et al., *Karlag: its space and fates* [in Russian] (Karaganda: Tengri LTD, 2013), 50.

on the same day as his.²⁶ In addition to the support provided by this woman, Esenin-Vol'pin also obtained in prison an address that he could use in order to “apply for a little help.”²⁷

Esenin-Vol'pin planned to continue to devote himself to science in exile. Before his release, the prison authorities had promised him that he would be able to work in his specialty.²⁸ Two days after his release from prison, Esenin-Vol'pin began working as a mathematics teacher of senior classes at the evening school.²⁹ The exiled man was officially entitled to a room in the barracks, which he received in early December. But the room had neither a bed nor bedding, so in December he still had to rent a room from an elderly couple. The salary in the evening school was 615 roubles, which was “not much” for a mathematician from Moscow. At the same time, Esenin-Vol'pin was really pleased with a lot of free time, “I am free all day long and I study using the books you sent me to Leningrad.”³⁰

At Esenin-Vol'pin's request, in early December 1950 N. Vol'pin sent to Karaganda 500 roubles, warm clothes, shoes, and papers on the approval of her son's PhD in physics and mathematics, which he needed for his employment.³¹ In his letter of December 13, Esenin-Vol'pin asked his mother to buy and send him mathematical monographs and the journal *Uspekhi matematicheskikh nauk* [Russian Mathematical Surveys], both new issues and those already available in his Moscow library.³² In addition, N. Vol'pin's task was to put her son in touch with his friends and colleagues. A friend of Esenin-Vol'pin, M. Grabar (son of the famous post-impressionist artist Igor Grabar), a postgraduate student at the Faculty of Mechanics and Mathematics at Moscow State University, was to help the exiled

---

²⁶ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 noyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 17, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 16. AMM.

²⁷ Ibid.

²⁸ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 noyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 17, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 15. AMM.

²⁹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 13 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 13, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 19. AMM.

³⁰ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 13 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 13, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 19. AMM.

³¹ Ibid, l. 19 ob.; “Telegramma Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin, bez daty, ne ran'she 13 dekabrya 1950 g.” [Telegram from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin, undated, not earlier than December 13, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 20. AMM.

³² “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 13 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 13, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 19 ob. AMM.

mathematician's mother in her search for literature. Later Esenin-Vol'pin himself established contact with Grabar, who sent him the necessary scientific publications.³³ In addition, N. Vol'pin was to establish contact with B. Trakhtenbrot, a graduate student of P. Novikov, a specialist in mathematical logic. Esenin-Vol'pin was planning to be engaged in private correspondence with P. Novikov and P. Alexandrov, another famous mathematician, his postgraduate supervisor at Moscow State University. He asked his mother to contact them both so that with her help the scientists would pass on “photocopies of various foreign articles and excerpts from monographs.”³⁴

Thus, we can conclude that already at the beginning of the exile, Esenin-Vol'pin began to re-establish social ties with acquaintances and colleagues from Moscow. His aim was to organize the conditions for continuing his academic activities in Karaganda. Esenin-Vol'pin's scientific pursuits were facilitated by his mother's regular parcels from Moscow, which offset the material limitations of the exile (lack of money and belongings). In addition, N. Vol'pin played the role of a liaison between her exiled son and his colleagues, thus also helping him to overcome the geographical limitations of his exile in Karaganda.

In February 1951, Esenin-Vol'pin was fired from his job. He saw this as a result of intrigue by an employee of the school who wanted to take his place.³⁵ The dismissal did not result in the loss of his accommodation provided by the state and he was allowed to stay there until May. Esenin-Vol'pin believed that he had a legal right to live in the barracks without a job.³⁶ At the same time, in the letter to his mother of April 30, 1951, he assured her that he was “not going to be thrown out for a long period of time – until July at least, but it seems that maybe even longer.”³⁷ Apparently, the question of housing for the exiled mathematician was resolved unofficially.

---

³³ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 2 fevralya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 2, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 48. AMM.

³⁴ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 13 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 13, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 19 ob. AMM.

³⁵ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 28 fevralya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 28, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 50. AMM.

³⁶ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 fevralya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 19, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 49. AMM.

³⁷ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 30 aprelya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of April 30, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 52. AMM.

Esenin-Vol'pin saw this lack of work as a “blessing.” At the beginning of the year he “stayed at home all day long and read books on topology,” looking for a new scientific problem he could choose for research.³⁸ The list of scientific literature needed by Esenin-Vol'pin in exile was constantly getting longer and longer. The city and provincial libraries in Karaganda had no foreign scientific literature at all, so he relied exclusively on regular deliveries of literature from Moscow.³⁹ In January 1951, articles and books on mathematical logic began to appear in Esenin-Vol'pin's requests.⁴⁰ In the letter to his mother dated March 17, 1951, he spoke of discoveries in a scientific field that was new to him:

I've done an interesting thing in mathematical logic and I've been writing for days now – and there's no end in sight. Everything seems to be right – but it will take up much space. And when I think that I will have to type it out, it gives me the creeps. So here do I sit and write. . . . As soon as I am finished with rewriting and retyping, I will send it to Novikov, Markov,⁴¹ and Trakhtenbrot. I will also write to Aleksandrov about it, and if I succeed, I will send him a copy too.⁴²

In the summer of 1951, Esenin-Vol'pin asked his mother to find old journal publications on mathematical logic. He also asked his grandmother to send him two notebooks of his notes on Pyotr Novikov's lectures for 1948–49.⁴³ Having found access to a typewriter in Karaganda, the exiled researcher was already retyping the manuscript of his work on mathematical logic in June.⁴⁴

In July 1951, Esenin-Vol'pin began to send the results of his scientific work to Moscow and Leningrad. He was in contact with P. Novikov, B. Trakhtenbrot, and

---

³⁸ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 fevralya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 19, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 49 ob. AMM.

³⁹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 8–9 yanvarya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of January 8–9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 44 ob. AMM.

⁴⁰ *Ibid.*, l. 45.

⁴¹ A.A. Markov (1903–72), a Soviet mathematician and topologist who lived in Leningrad.

⁴² “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 marta 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of March 17, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 51. AMM.

⁴³ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 9 iyunya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of June 9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 53. AMM; “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 iyulya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of July 20, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 58. AMM.

⁴⁴ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 9 iyunya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of June 9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 53 ob. AMM.

A. Markov, to whom he sent his works by airmail.⁴⁵ N. Vol'pin continued to be a liaison between his son and his colleagues. She passed on parcels with her son's work and his requests verbally and in correspondence to B. Trakhtenbrot, P. Novikov, P. Aleksandrov, and S. Yanovskaya.⁴⁶ With the help of her son's colleagues, N. Vol'pin sent photocopies and abstracts of articles by Soviet and foreign mathematicians to Karaganda.⁴⁷ She also retyped Esenin-Vol'pin's papers for them on her own typewriter.⁴⁸ In the summer of 1952, N. Vol'pin sent her son a filmscope and he was able to read photographic films containing mathematical literature.⁴⁹

In February 1952, Esenin-Vol'pin passed a notebook with an outline of his article on mathematical logic to P. Novikov with a help of a "young man" who had come to Karaganda from Moscow. The name of this man was not mentioned by Alexander in a letter to his mother.⁵⁰ N. Vol'pin passed it on to B. Trakhtenbrot, who became the second unofficial reviewer.⁵¹ In early May Esenin-Vol'pin discovered that his paper reproduced the results of a paper by a Polish mathematician Andrzej Mostowski, the

---

⁴⁵ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 iyulya 1951 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of July 20, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 58 ob. AMM; "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 10 aprelya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of April 10, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 76. AMM.

⁴⁶ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 3 noyabrya 1951 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 3, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 62. AMM; "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 26 dekabrya 1951 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 26, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 68. AMM.

⁴⁷ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 4 maya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of May 4, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 79. AMM; "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 21 maya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of May 21, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 83. AMM; "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 avgusta 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of August 19, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 91. AMM.

⁴⁸ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 14 yanvarya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of January 14, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 70. AMM.

⁴⁹ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 iyulya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of July 20, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 89. AMM.

⁵⁰ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 6 fevralya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 6, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 72. AMM.

⁵¹ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 10 aprelya 1952 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of April 10, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 76. AMM; "Pis'mo Borisa Trakhtenbrota Nadezhde Vol'pin ot 5 marta 1952 g." [Letter from Boris Trakhtenbrot to Nadezhda Vol'pin as of March 5, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 108. AMM.

abstract of which he had received from Moscow. He refused to publish the paper in the *Doklady Akademii Nauk* [The Proceedings of the USSR Academy of Sciences], as he was worried about unintended plagiarism.⁵² Two and a half weeks later, Esenin-Vol'pin wrote a letter to Novikov telling him his ideas for revising the article.⁵³ It took two years to edit, review, and publish the article. In 1954 it was published in the first issue of the *Doklady Akademii Nauk* under the title “The unprovability of Suslin’s Hypothesis without the aid of the axiom choice in the system of axioms of Bernays-Mostowski.”

Thus, by the middle of the term of his exile, Esenin-Vol'pin had managed to cope with its geographical limitations. He continued an extensive correspondence with the leading Soviet mathematicians (P. Novikov, P. Aleksandrov, S. Yanovskaya, and B. Trakhtenbrot), with whom he was also connected via his mother and friends in Moscow. Extensive interregional social ties also enabled Esenin-Vol'pin to overcome the intellectual limitations of exile connected with the inaccessibility of scientific literature. It was in Karaganda that the exiled began to study mathematical logic, which later became his main academic specialization.

Alexander S. Esenin-Vol'pin in Chernivtsi. July 21, 1956⁵⁴

---

⁵² “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 4 maya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of May 4, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 79–79 ob. AMM.

⁵³ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 21 maya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of May 21, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 83. AMM.

⁵⁴ “Foto of A.S. Esenin-Vol'pin v Chernovtsakh. 21 iyulya 1956 g. Podpis' na oborote: ‘Miloi mame’” [Photo A.S. Esenin-Vol'pin in Chernivtsi on July 21, 1956. Inscription on the back: “To my

At the end of December 1950, Esenin-Vol'pin moved into two rooms in the state one-storey barrack, which cost him 12 roubles per month. To heat the stove, the mathematician hired a neighbor, a woman who lived in the barracks next door. For 120 roubles per month she also fetched water from the well, did his laundry, and scrubbed the floors.⁵⁵ However, the living conditions in the barracks still seemed mediocre to Esenin-Vol'pin. He wrote,

“... as a real proletarian, now I have no mattress, no pillow, no étagère, no washstand, no pot, no kettle, no cooker, not even a chair – there is only an iron bed and a table.”⁵⁶

At the same time, economic conditions in Karaganda seemed satisfactory to the young Muscovite. In his first letter from Karaganda he wrote, “Life here is much cheaper than in Moscow (e.g. a room can be rented for 50–70 roubles per month or bought for 400 roubles).”⁵⁷ At the end of the year, Esenin-Vol'pin also described living conditions in exile in a letter to his mother. In addition to stating the favorable food situation in Karaganda, there is a clear disregard for the social specificity of the city that was founded around the miners' settlements:

There is enough food in local shops – bread, sausages, butter, cheese, sweets – everything is available without any queues; the situation with sugar is worse (though it is also available sometimes, but mostly granulated sugar, and then there are queues, so I can simply live on sweets). You can have a decent dinner in canteens, some of them offer it for 5 roubles, others – for 8 roubles, but canteens are capricious here and are often closed and you have to go somewhere to find something else; they all have their own working hours and none of them strictly adheres to any rules. You can have as many cigarettes as you want. But everything is designed for the working public, from whose tastes I can only escape at home. . .⁵⁸

---

dear mother”]. F. 2809, op. 1, d. 223. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art] (RGALI), Moscow, Russia.

⁵⁵ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 24 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 24, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 21. AMM.

⁵⁶ *Ibid.*, l. 23 ob.

⁵⁷ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 noyabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 17, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 15. AMM.

⁵⁸ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 24 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 24, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 23–23 ob. AMM.

Responding to the question from N. Vol'pin about food available in exile, in March 1951 he wrote that there was sugar and butter in Karaganda, “as much as you want and without any queues.”⁵⁹ In this respect, Karaganda stood out among the post-war cities of the RSFSR. In August 1951, the sister of N. Vol'pin who lived in Uglich wrote about the lack of butter, sugar, and white bread in the town and about long queues for rye bread.⁶⁰ However, to buy food, Esenin-Vol'pin relied on his mother's financial assistance. At the end of the 1950 year, the money taken from him in the psychiatric hospital in Leningrad had not yet been returned, and after paying the servants and the rent for two rooms in the barracks, he still had 400 roubles, which was the amount he considered insignificant.⁶¹ At the beginning of January 1951, N. Vol'pin sent her son another 500 roubles, a parcel with bedding, and a parcel with books.⁶²

The mathematician was in no hurry to look for a new job, as he was preoccupied with his scientific work, surviving due to the material assistance from Moscow. His grandmother Anna B. Zhislin and his mother continued to send money (usually 500 roubles each), clothes, and shoes to Karaganda every month.⁶³ In addition, in April, Esenin-Vol'pin received money from Leningrad. In the letter to his grandmother of 9 June 1951, he once again wrote about better food situation in Karaganda compared to Moscow and about absence of queues in the city.⁶⁴ It can be stated once again that Karaganda positively stood out against the background of other Soviet cities suffering from food shortages. Esenin-Vol'pin used the services of a paid maid in his rented housing and overcame the material limitations of exile with the help of his mother and grandmother who regularly sent him money and clothes as well as scientific articles and books on mathematics.

The barracks where Esenin-Vol'pin originally lived were located in Staryi Gorod [the Old Town]. This was the area that was formed from the confluence of several

---

⁵⁹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 17 marta 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of March 17, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 51. AMM.

⁶⁰ “Pis'mo Lyubovi Vol'pin Nadezhde Vol'pin, bez daty” [Letter from Lyubov Vol'pin to Nadezhda Vol'pin, undated]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 30. AMM.

⁶¹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 24 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 24, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 23 ob. AMM.

⁶² “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 8–9 yanvarya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of January 8–9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 44–45. AMM.

⁶³ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 30 aprelya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of April 30, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 52. AMM.

⁶⁴ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 9 iyunya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of June 9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 53. AMM.

smaller mining towns, which expanded significantly during the 1930s.⁶⁵ He did not like living “on the coals.”⁶⁶ Esenin-Vol'pin wrote to his mother in February 1951, “The district where I live is quite nasty. I shall try to move closer to Novyi Gorod [New Town], for it is much more cultural there.”⁶⁷ He travelled to Novyi Gorod, the cultural and administrative center of Karaganda, to enjoy its parks and bodies of water.⁶⁸ Its image seems to the exiled Muscovite to be “very European.”⁶⁹ The village of Bolshaya Mikhailovka, whose population consisted largely of dispossessed peasants, deported Germans, and exiles from all over the Soviet Union, was also part of Novyi Gorod.⁷⁰

By the spring of 1951, Moscow acquaintances of Esenin-Vol'pin settled in Bolshaya Mikhailovka. Among them were V. Gerlin, Yu. Aikhenvald and N. Korzhavin. Valeria Gerlin was arrested in August 1949. Before she was exiled to the Kokshetau Region of the Kazakh SSR, she had met Olga L. Adamova-Sliozberg, a memoirist and Gulag prisoner, in Butyrskaya prison.⁷¹ In 1950, Gerlin was allowed to move to Karaganda and she immediately went to Adamova-Sliozberg, who had been exiled there in December 1949.⁷² A few months later, Gerlin met the poet Yurii I. Aikhenvald who was also exiled from Moscow to Karaganda in 1949 and whom she later married. N. Korzhavin was exiled to Karaganda from Moscow in the spring of 1951. He had known Esenin-Vol'pin and Aikhenvald since 1944.⁷³ V. Gerlin, in her turn, connected Esenin-Vol'pin and N. Korzhavin to O. Adamova-Sliozberg.

After meeting his Moscow acquaintances in Karaganda, Esenin-Vol'pin established not only virtual (through mail and telegraph) social connections but also real ones. According to the memoirs of O. Adamova-Sliozberg, their “company” in Karaganda

---

⁶⁵ T.Ya. Barag, *Karaganda* [in Russian] (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo arkhitektury i stroitel'stva, 1950), 12–15.

⁶⁶ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 438.

⁶⁷ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 28 fevralya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 28, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 50. AMM.

⁶⁸ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 2 fevralya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 2, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 47. AMM; “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 9 iyunya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of June 9, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 53. AMM.

⁶⁹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 24 dekabrya 1950 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 24, 1950]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 23 ob. AMM.

⁷⁰ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 445.

⁷¹ J.M. Gheith and K.R. Jolluck, *Gulag voices: Oral histories of Soviet incarceration and exile* (New York: Palgrave Macmillan, 2011), 164–65.

⁷² Gheith, Jolluck, *Gulag Voices*, 164–65.

⁷³ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 443–44, 463.

included V. Gerlin, Yu. Aikhenvald, Esenin-Vol'pin, and several other exiles.⁷⁴ From the memoirs of N. Korzhavin it is also known that he was a member of this circle as well.⁷⁵ In this company, the exiles socialized and celebrated holidays. According to Adamova-Sliozberg's recollections, the administrative and legal conditions of the exiles in Karaganda involved only "humiliating procedures of reporting regularly to the KGB." In all other respects she characterized their daily life in exile as quite "normal," implying that everyday communication with friends in Karaganda was very similar to that in Moscow.⁷⁶

All friends of Esenin-Vol'pin in Karaganda left similar memories of his behavior in exile. At Olga Adamova-Sliozberg's birthday party on August 1, 1951, he gave a toast "To the death of Stalin!"⁷⁷ Yurii Aikhenvald recalled that while drinking in her flat, Esenin-Vol'pin could also shout "Death to the Bolsheviks!"⁷⁸ Once, when he saw the prisoners of the Karaganda penal labor camp being transported in trucks, he shouted solemnly, "Hello, comrades! Hold on! Freedom will come soon!"⁷⁹ Esenin-Vol'pin's friends tried to prevent him from expressing such "seditious" thoughts not only in the street but also during home gatherings, believing that they were tapped by MGB informers.⁸⁰ However, the exiled mathematician was never punished for the words that would have been clearly regarded as "counter-revolutionary agitation" in Moscow.

Thus, we can state certain paradoxicality of the administrative and legal conditions of the exiles in Karaganda in 1950–53. It consisted in being able to express thoughts for which there was a risk of arrest and imprisonment in Moscow. Although Esenin-Vol'pin could not avoid reporting to an MGB office, he disregarded the repressive social norm caused by the alleged surveillance of the exiles by MGB informers.

On June 19, 1951, Esenin-Vol'pin was visited in exile by his aunt's (L. Vol'pin) husband, who was on his way to Almaty. He handed over money from A. Zhislin and after a short conversation formed an impression of the conditions of his relative's exile. Like his nephew, the Muscovite found life in Karaganda "inexpensive." In a letter to N. Vol'pin he noted the availability of sugar and white bread.⁸¹ Esenin-

---

⁷⁴ O.L. Adamova-Sliozberg, *The path* [in Russian] (Moscow: Vozvrashchenie, 1993), 195.

⁷⁵ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 466.

⁷⁶ Adamova-Sliozberg, *The path*, 195.

⁷⁷ Adamova-Sliozberg, *The path*, 203–04.

⁷⁸ Yu.A. Aikhenvald, *The last pages. Memoirs, prose, poetry* [in Russian] (Moscow: RGGU, 2003), 289–90.

⁷⁹ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 466.

⁸⁰ Aikhenvald, *The last pages*, 289–90; Adamova-Sliozberg, *The path*, 203–04.

⁸¹ "Pis'mo Lyubovi Vol'pin Nadezhde Vol'pin ot 2 iyunya 1951 g." [Letter from Lyubov Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of June 2, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 38–39. AMM.

Vol'pin informed his uncle of his acquaintance with G. Khvolis, a professor at Karaganda Medical Institute, who had promised to “get him a job.”⁸²

In July, 1951, Esenin-Vol'pin was asked to vacate the accommodation he had been given as a schoolteacher. He began renting a room in a private house for 100 roubles per month. As before, the house was situated in the Old Town.⁸³ Naum Korzhavin recalled that people who let rooms in their houses were friendly to the exiles; some of them went through dekulakization.⁸⁴ Indeed, an informal relationship developed soon between Esenin-Vol'pin and his landlady. She asked to let her daughter, who was returning home from Tbilisi via Moscow, stay with them in Moscow for a few days. In a letter to his mother, Esenin-Vol'pin offered to house the guest in his own room in his grandmother's flat.⁸⁵

In early September 1951, N. Vol'pin arrived in Karaganda. With her assistance, Esenin-Vol'pin moved to a house in Bolshaya Mikhailovka.⁸⁶ The mother of the exiled signed a contract with a landlady, according to which she and her relatives had to help Esenin-Vol'pin with household chores: cooking, heating the stove, cleaning the room, repairing clothes and shoes.⁸⁷ In return, N. Vol'pin sent them thread, linen, clothes and shoes from Moscow.⁸⁸ In September, Esenin-Vol'pin took a job as a

---

⁸² “Pis'mo Lyubovi Vol'pin Nadezhde Vol'pin ot 2 iyunya 1951 g.” [Letter from Lyubov Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of June 2, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 38–39. AMM.

⁸³ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 iyulya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of July 20, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 58. AMM.

⁸⁴ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 445–46.

⁸⁵ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 iyulya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of July 20, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 58. AMM.

⁸⁶ In October his letters began to arrive from the address in Novaya ulitsa. In a letter to his mother as of August 19, 1952, he wrote about a possible move, in which case he would no longer allow his mother to “carry things along” (See “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 avgusta 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of August 19, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 90. AMM.)

⁸⁷ “Pis'mo Marii Savel'evoi Nadezhde Vol'pin ot 23 oktyabrya 1951 g.” [Letter from Maria Savelyeva to Nadezhda Vol'pin as of October 23, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 42–43. AMM; “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 22 oktyabrya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of October 22, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 61. AMM; “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 18 noyabrya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 18, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 63. AMM.

⁸⁸ “Pis'mo Marii Savel'evoi Nadezhde Vol'pin ot 23 oktyabrya 1951 g.” [Letter from Maria Savelyeva to Nadezhda Vol'pin as of October 23, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, ll. 42–43. AMM; “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 14 yanvarya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of January 14, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18,

teacher again. The mathematician was assisted in his job search by Professor G. Khvolis and Assistant Professor of the Mining Institute E. Retter who had been exiled from Moscow.⁸⁹ Two months later, Esenin-Vol'pin was dismissed again, as he was informed, “because of staff reductions.”⁹⁰ After this, N. Vol'pin suggested that he should wait a bit before looking for a new job.⁹¹

In addition to reading books and meeting friends, Esenin-Vol'pin's leisure time now included cinema.⁹² In November, he watched the newly released film *Sportivnaya chest'* [Sporting Honor], the script of which was written by his uncle Mikhail D. Vol'pin and Nikolai R. Erdman.⁹³

Among the many acquaintances of Esenin-Vol'pin in exile, there were also well-known Soviet scientists, a biophysicist A. Chizhevskii with his wife N. Pereshkol'nik and an economist A. Vainshtein. Alexander Chizhevskii had a typewriter, which Esenin-Vol'pin could occasionally use to type out his works. He passed on requests to buy clothes and copy paper to his mother in Moscow; at the end of May 1952, Chizhevskii thanked Nadezhda Vol'pin in a letter for three reams of copy paper.⁹⁴ Thanks to his acquaintance with Esenin-Vol'pin, Albert Vainshtein was able to learn via N. Vol'pin about the health of his mother who lived in Moscow.⁹⁵ Chizhevskii

---

1. 70 ob. AMM; “Pis'mo Marii Savel'evoi Nadezhde Vol'pin ot 15 aprelya 1952 g.” [Letter from Maria Savelyeva to Nadezhda Vol'pin as of April 15, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 107. AMM.

⁸⁹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 22 oktyabrya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of October 22, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 83. AMM; A.K. Kapyshev, “Interaction between regional authorities and educational institutions of Central Kazakhstan in the 1930s – the first half of the 1950s” [in Russian], in *Science and education: modern trends*, ed. O.N. Shirokov, Scientific and methodological library, is. 5 (Cheboksary: TsNS “Interaktiv plus”, 2014), 75.

⁹⁰ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 noyabrya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 19, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 64. AMM.

⁹¹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 14 yanvarya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of January 14, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 70 ob. AMM.

⁹² “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 iyulya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of July 20, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 58. AMM.

⁹³ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 noyabrya 1951 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 19, 1951]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 64. AMM.

⁹⁴ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 25 marta 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of March 25, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 75. AMM; “Pis'mo Aleksandra Chizhevskogo Nadezhde Vol'pin ot 22 maya 1952 g.” [Letter from Alexander Chizhevskii to Nadezhda Vol'pin as of May 22, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 105. AMM.

⁹⁵ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 8 sentyabrya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of September 8, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 93.

and Vainshtein, who worked in local scientific institutions, apparently helped the mathematician with his new search for a job.

In August 1952, Esenin-Vol'pin made a new attempt to apply for a job at the secondary school, but the head of the oblast education department opposed his candidacy.⁹⁶ This time the refusal was explained by Esenin-Vol'pin's inability to get along with children, which he himself admitted in the letters to his mother. However, by September, he had found a job at the correspondence school.⁹⁷

N. Vol'pin visited her son in Karaganda again in October 1952.⁹⁸ After her departure, Esenin-Vol'pin began private lessons to local engineers who studied at the correspondence university. A teacher exiled from Odessa, who was not named in Esenin-Vol'pin's letter to his mother, helped Esenin-Vol'pin in his search for students.⁹⁹ Private lessons brought the mathematician 15 to 20 roubles per hour, so he allowed himself to refuse the job offer from another school.¹⁰⁰ At the same time, Nadezhda Vol'pin continued to send her son clothes and money. In December 1952, he entered a subscription to the newspaper *Pravda* and to the journal *Uspekhi matematicheskikh nauk* [Russian Mathematical Surveys]. Now he was writing about the “acceptable” conditions of life in exile in the letters to his relatives.¹⁰¹ Despite the food shortages that began in Karaganda at the end of 1952, in other respects, Esenin-Vol'pin's life in exile acquired more and more features of “normality.” At the

---

AMM; “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 6 fevralya 1953 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of February 6, 1953]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 113. AMM.

⁹⁶ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 19 avgusta 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of August 19, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 90. AMM.

⁹⁷ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 2 sentyabrya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of September 2, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 92. AMM.

⁹⁸ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 2 noyabrya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 2, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 95. AMM.

⁹⁹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 13 noyabrya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of November 13, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 96. AMM.

¹⁰⁰ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 12 dekabrya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of December 12, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 100 ob. AMM.

¹⁰¹ “Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 31 dekabrya 1952 g.” [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of December 31, 1952]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 104. AMM.

Karaganda library, there was a prospect of getting foreign books and journals.¹⁰² At the end of March, 1953, the first shipment of books for Esenin-Vol'pin arrived from Moscow.¹⁰³

Thus, by the middle of his exile, Alexander Esenin-Vol'in had managed to overcome all the limitations that had bothered him since his arrival in Karaganda. He established ties with many intellectuals had been exiled to Karaganda from various cities of the Soviet Union. Their relationship often consisted in exchanging favors: with the help of the exiled acquaintances and friends, Esenin-Vol'pin found a job and accommodation in exile or had access to a typewriter; his mother fulfilled their requests in Moscow in return. After being fired from his job and losing accommodation provided by the state, Esenin-Vol'pin rented a room in a private house. As before, he was assisted by hired help. This aspect of the exile in Karaganda is of particular interest in terms of the history of interregional economic relations in the late Stalinist period. In the case of Esenin-Vol'pin, a kind of barter negotiated in the form of an oral treaty was established between Moscow and Karaganda. His mother Nadezhda Vol'pin sent her son's landlords scarce goods (bedding, clothes). Esenin-Vol'pin was rendered household services in return.

On March 20, 1953, more than two weeks later after Stalin's death, Esenin-Vol'pin wrote in a letter to his mother about his far-off release in 1955.¹⁰⁴ It can be concluded from this fact that the dissident did not connect his return from exile with the death of the Soviet leader. On March 27, 1953, the Decree of the Supreme Soviet of the USSR on amnesty was published. Without apparent pleasure, Esenin-Vol'pin wrote to his grandmother on March 29 that his case "formally fell under the amnesty announced the day before – according to Articles 1, 6 and 7."¹⁰⁵ Esenin-Vol'pin was not sure whether he would be given the right to reside in Moscow or whether he would have to settle at the "101st kilometer."

Release under amnesty implied obtaining a new passport without a mark of restrictions on freedom of movement. The exiled had to fill out an application form at the militia office.¹⁰⁶ On April 14, Esenin-Vol'pin received a certificate of release from

---

¹⁰² "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 marta 1953 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of March 20, 1953]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 116. AMM.

¹⁰³ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 29 marta 1953 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of March 29, 1953]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 118. AMM.

¹⁰⁴ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Nadezhde Vol'pin ot 20 marta 1953 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Nadezhda Vol'pin as of March 20, 1953]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 116 ob. AMM.

¹⁰⁵ "Pis'mo Aleksandra Esenina-Vol'pina Anne Zhislin ot 29 marta 1953 g." [Letter from Alexander Esenin-Vol'pin to Anna Zhislin as of March 29, 1953]. F. 120, op. 1, d. 18, l. 118. AMM.

¹⁰⁶ Korzhavin, *The temptations of a bloody era*, 587.

the Karaganda department of the MVD,¹⁰⁷ left Karaganda on April 25 and arrived in Moscow four days later. At the end of the year he would recall that he was greeted with “almost all-round joy,” which sometimes seemed to him to refer to the fact of the return of a victim of repression rather than to his personality.¹⁰⁸

Conclusion

The exile to Karaganda in 1950–53 was an important phenomenon not only in political but also in social history of the late Stalinism. At that time, the Special Council of the MGB concentrated many representatives of the intelligentsia from different regions of the Soviet Union in Karaganda. The case of Alexander Esenin-Vol'pin, a young mathematician and poet convicted of “counterrevolutionary agitation,” examined in the article allowed us to identify the socio-economic and administrative-legal features of life in exile in Karaganda in 1950–53.

The concentration of a large number of scientists and writers from Moscow in Karaganda was a definite advantage for the social conditions of the exiles. In exile, Alexander Esenin-Vol'pin was able to get reconnected with his acquaintances and friends who had been exiled to Karaganda from Moscow just as the mathematician himself. In addition, he established new social connections with exiled Moscow scientists and maintained ties with his Moscow colleagues and relatives through mail and telegraph. Esenin-Vol'pin's diverse social connections in exile enabled him to meet the needs of finding a job, getting access to scientific literature, and obtaining a typewriter in order to type out his manuscripts.

The economic conditions of life in exile in Karaganda in 1950–53 were characterized by the absence of food shortages observed in the cities of the European part of the USSR in the post-war period. In the case of Esenin-Vol'pin, the material support from his relatives in the form of parcels with money and clothes allowed the exile to engage in self-education and scientific activities. His daily life included going to the cinema and socializing with friends.

Esenin-Vol'pin's experience in exile casts doubt on the existence of the pervasive surveillance by MGB informers described in the memoirs and recollections of other exiles. Esenin-Vol'pin's open defiance of alleged militia surveillance and his resistance to the fear of it imposed by his friends suggest the paradoxicality of such a form of punishment as exile in Karaganda in 1950–53. The exile allowed him to express thoughts for which he would be threatened with arrest and imprisonment in Moscow.

---

¹⁰⁷ “Zayavlenie Aleksandra Esenina-Vol'pina v svyazi s delom 1949 goda, bez daty” [Statement by Alexander Esenin-Vol'pin in connection with the 1949 case, undated]. F. 120, op. 1, d. 14, l. 1 ob. AMM.

¹⁰⁸ “Dnevnikovaya zapis' Aleksandra Esenina-Vol'pina ot 31 dekabrya 1953 g.” [Diary entry by Alexander Esenin-Vol'pin as of December 31, 1953]. F. 120, op. 1, d. 13, l. 28 ob. AMM.

Список литературы

- Бараг Т.Я. Караганда. Москва: Государственное издательство архитектуры и строительства, 1950. 64 с.
- Капышев А.К. Взаимодействие региональной власти и учебных заведений Центрального Казахстана в 1930-е – первой половине 1950-х годах // Наука и образование: современные тренды / под редакцией О.Н. Широкова. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. Серия «Научно-методическая библиотека». Вып. 5. С. 62–80.
- Кузнецова Е. и др. Карлаг: Пространство и судьбы. Караганда: Tengri LTD, 2013. 104 с.
- Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва: О.Г.И. – Мемориал, 2001. 327 с.
- Право переписки / авторы-составители Е. Жемкова и др. Москва: Мемориал, 2014. 111 с.
- Репина Л.П. История регионов, или “Территория историка” после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16.
- Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae – журнал региональной истории, 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317. <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>
- Barnes S.A. *Death and redemption: The Gulag and the shaping of Soviet society*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 368 p.
- Erikson E. *Relationalism and social networks* // *The Palgrave handbook of relational sociology* / edited by F. Dépelteau. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 271–289.
- Lee H. *Biography. A very short introduction*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. 170 p.
- Nathans B. *The dictatorship of reason: Aleksandr Vol'pin and the idea of rights under “Developed Socialism”* // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66, is. 4. P. 630–663.

References

- Barag, T.Ya. *Karaganda*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo arkhitektury i stroitel'stva, 1950. (In Russian)
- Barnes, S.A. *Death and redemption: The Gulag and the shaping of Soviet society*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Erikson, E. “Relationalism and social networks.” In *The Palgrave handbook of relational sociology*, edited by F. Dépelteau, 271–89. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
- Капышев, А.К. “Vzaimodeistvie regional'noi vlasti i uchebnykh zavedenii Tsentral'nogo Kazakhstana v 1930-e – pervoi polovine 1950-h godakh” [Interaction between regional authorities and educational institutions of Central Kazakhstan in the 1930s – the first half of the 1950s]. In *Nauka i obrazovanie: sovremennye trendy* [Science and education: modern trends], edited by O.N. Shirokov, 62–80. Nauchno-metodicheskaya biblioteka [Scientific and methodological library], is. 5. Cheboksary: TsNS “Interaktiv plyus”, 2014. (In Russian)
- Kuznetsova, E. et al. *Karlag: Prostranstvo i sud'by* [Karlag: its space and fates]. Karaganda: Tengri LTD, 2013. (In Russian)
- Lee, H. *Biography. A very short introduction*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.
- Nathans, B. “The dictatorship of reason: Aleksandr Vol'pin and the idea of rights under “Developed Socialism.” *Slavic Review*, vol. 66, is. 4 (2007): 630–63.

Polyan, P. *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Against their will... The history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: O.G.I. – Memorial, 2001. (In Russian)

Repina, L.P. “Istoriya regionov, ili ‘Territoriya istorika’ posle prostranstvennogo povorota” [History of the regions, or ‘Historian’s territory’ after the spatial turn]. *Dialog so vremenem*, is. 69 (2019): 5–16. (In Russian)

Starostin, S.I. “Mass deportations and the system of special settlements in Vologda Region in the 1930s–1950s.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 212–317. <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

Zhemkova, E. et al., comps. *Pravo perezpiski* [The right to correspond]. Moscow: Memorial, 2014. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Александрович Гросс – ассистент кафедры Отечественной истории XX–XXI веков, <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>, gross@sfedu.ru, Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия); аспирант факультета современных и средневековых языков, Оксфордский университет (2JD, Веллингтон-сквер, OX1 Оксфорд, Великобритания).

Information about the author

Andrei A. Gross – Assistant Lecturer of the Department of Russian History of 20th–21st centuries, <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>, gross@sfedu.ru, Southern Federal University (105/42, ul. Bol'shaya Sadovaya, 344006 Rostov-on-Don, Russia); Postgraduate student Faculty of Medieval and Modern Languages, Oxford University (Wellington Square, Oxford OX1 2JD, United Kingdom).

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 06.09.2021.

The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 06.09.2021.